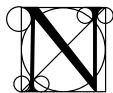

Стелла Гиббонс

Стелла Гиббонс
Неуютная
ферма

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г46

Серия «Англия: серьезно, но не очень»

Stella Gibbons

COLD COMFORT FARM

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

Перевод с английского *Е. Доброхотовой-Майковой*

Художник *В. Лебедева*

Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Гиббонс, Стелла.

Г46 Неуютная ферма : [роман] / Стелла Гиббонс; [пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 256 с. — (Англия: серьезно, но не очень).

ISBN 978-5-17-085269-7

Классика английской литературы XX века.

Изысканная, элегантная и бесконечно ироничная пародия на «провинциальный» британский роман, читая которую можно провести немало забавных параллелей с произведениями Эмили Бронте, Томаса Харди и прочих великих прозаиков XIX – начала XX вв.

Религиозные снобы и раздираемые тайными страстями юные (и не очень) девицы...

Деревенские ловеласы и эксцентричные кумушки...

Потрясающая коллекция колоритных и нелепых персонажей, немислимых ситуаций и невероятных диалогов, которая не оставит равнодушным ни одного истинного ценителя английского юмора!..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Stella Gibbons, 1932

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-085269-7

Посвящается Аллану и Ине

Примечание: действие книги разворачивается
в недалеком будущем

Предисловие

*Антони Пукворти, эсквайру, П.Л., Д.П.**

Дорогой Тони!

Представляя на ваш суд мой первый ученический опыт в прекраснейшем, труднейшем и самом волшебном из искусств, я трепещу даже больше, чем обычный новичок пред лицом маститого собрата. Вам, как никому, ведомы чистые радости и суровые тяготы писательского ремесла. И все же я возьму на себя смелость объяснить, как тяжело дались мне первые шаги на сем славном поприще.

Как вам известно, первые десять лет моей творческой жизни прошли в бессмысленной и пошлой суеде газетных редакций. Один бог ведает, какой отпечаток оставила на мне профессия журналиста. Я не смею слишком

* Антони Пукворти — вымышленный писатель; аббревиатуры после его фамилии означают «Патентованный лизоблюд» и «Дипломированный проныра». Под именем Антони Пукворти Стелла Гиббонс вывела Хью Уолпола (1844–1941), чрезвычайно плодовитого и очень популярного в свое время писателя. Само письмо пародирует такое же письмо-предисловие к роману Уолпола «Джудит Пэрис»; оно было адресовано Дж. Б. Пристли и начиналось словами «Дорогой Джек!». За «Непростой судьбой Мартина Хора» современники легко угадывали «Мерзавца Херриса» — самый знаменитый из романов Уолпола. — *Здесь и далее примеч. пер.*

много об этом размышлять — даже сейчас. Кое о чем — например, о первой любви и собственных литературно-критических обзорах — женщине в зрелые лета лучше не вспоминать в подробностях.

На моем слогe (если мне дозволено говорить о своем слогe в присутствии литератора, чья вдумчивая, кристально ясная проза навсегда обогатила нашу словесность) эти голодные годы сказались еще более пагубно.

Жизнь газетчика бедна, груба, убога и коротка. Таков же и его слог. Вы, с любовным тщанием илифующий каждую свою вдумчивую и незамутненно-чистую фразу, поймете масштабность вставшей передо мной задачи. Десять лет я стремилась излагать в точности то, что хочу, просто и лаконично. Теперь, чтобы достичь литературности и снискать благосклонности критиков, мне следовало писать так, будто я сама толком не знаю, что хочу сказать, и при этом делать фразы как можно более длинными.

Не стану утверждать, будто сумела воплотить на этих страницах то, что десять лет назад впервые сверкнуло передо мной во всей своей лучезарной ясности. Какое уж там! И все же книга завершена. Ecco! E finito!* И, какая ни на есть, она ваша.

Дело в том, Тони, что за мною есть долг. В последние десять лет ваши книги были для меня не просто книгами. Они служили источником отдохновения, пищей для души, очами во тьме. Они дарили мне радость среди пошлой и бессмысленной суеты газетных редакций — быть может, не совсем ту, на какую вы рассчитывали, но людям свойственно заблуждаться. Так или иначе, это была радость.

Сознаюсь, что лишь после долгих колебаний я решила вернуть хотя бы часть моего долга, отправив вам книгу, которая задумывалась как... смешная.

* Вот, закончено (ит.).

Ибо ваши книги... не смешные. Это хроники напряженной душевной борьбы в обстановке льдов, болот и непроходимых топей. Ваши герои — вневременные стихийные сущности, которых, как щепки, носит по волнам страсти. Вы рисуете природу в самых диких ее проявлениях, будь то пейзаж или человеческое сердце. Лишь изредка суровую правдивость ваших творений озаряют спокойный свет добытого в борьбе счастья и мягкий юмор, с которым выписаны персонажи второго плана. Вы умеете изобразить будничные домашние трагедии (ведь все первые сто страниц «Непростой судьбы Мартина Хора» мастерски живописуют симптомы разлития желчи) не менее ярко, чем душевные катаклизмы. Сумею ли я забыть Матти Элджинброда? Нет, не сумею. Ваши книги — не книги, а грозы и ураганы. Я могу лишь сказать со всей простотой: «Спасибо, Тони».

Однако смешными... нет, смешными их не назовешь.

Тем не менее я надеюсь, что вы в своем великодушии простите моей книге ее несовершенства.

Помышляя о благе множества читателей, которые, подобно мне, трудятся в бессмысленной и пошлой суете газетных редакций, магазинов или домов, а глядя на фразу, не всегда могут сказать, литература это или просто чушь, я прибегла к методу покойного герра Бедекера, а именно: отметила лучшие, на мой взгляд, пассажи одной, двумя или тремя звездочками, как сей достойный господин отмечал гостиницы, соборы и живописные полотна гениев. Вполне логично распространить этот метод и на книгу.

Кроме того, звездочки станут подспорьем для литературных обозревателей.

К слову о гениях: какое созвездие их озаряет нашу сегодняшнюю жизнь! Даже смиренная ученица вроде меня, проведшая лучшие творческие годы в пошлой и

*бессмысленной суете газетных редакций, может с сердечным восторгом и глубочайшим душевным жаром под-
писаться:*

ваша вечная должница,

Стелла Гиббонс

Уотфорд

Чайная «Лайонс»

Булонь-сюр-Мер

Январь 1931 — февраль 1932 года

Глава 1

Образование, которое дали Флоре Пост ее родители, было дорогостоящим и направленным на развитие не только умственное, но и телесное, а его процесс был длительным. Когда же они скончались один за другим от сезонной эпидемии инфлюэнцы, Флора, без малого двадцати лет от роду, обнаружила, что подкована во всех мыслимых искусствах, кроме искусства самой зарабатывать себе на хлеб.

Отец ее слыл богачом, однако по его смерти душеприказчики обнаружили, что покойник был беден. После уплаты подоходного налога и долгов остались сто фунтов годового дохода и никакого имущества, движимого или недвижимого.

Впрочем, от отца Флора унаследовала сильную волю, а от матери — стройные ножки. Воля эта ничуть не ослабела от того, что почти не встречала преград, а ножки не стали хуже от спортивных игр, из которых в значительной мере состояло ее образование. Впрочем, Флора понимала, что ни тем ни другим не прокормишься. Посему она решила остановиться у подруги, миссис Смайли, в ее ламбетском доме, а там уж подумать, кого осчастливить собой и своими ста фунтами годовых.

Смерть родителей не слишком опечалила Флору, ведь она их почти не знала. Они были одержимы стра-

тью к путешествиям и в Англии проводили не больше месяца в год. С десяти лет Флора на каникулах гостила сперва у матери своей подруги, а когда подруга вышла замуж и стала называться миссис Смайли, то уже у нее самой. Вступая хмурым февральским вечером, через две недели после отцовских похорон, под своды ламбетского особняка, она чувствовала, что возвращается в родное гнездо.

Миссис Смайли чрезвычайно повезло: она унаследовала недвижимость в Ламбете* до того, как цены здесь взлетели до небес. Это случилось, когда Мейфэр утратил репутацию фешенебельного столичного района и лондонский бомонд перебрался на другую сторону реки; теперь по тамошним набережным прогуливались аргентинки со своими бультерьерами. Покойный муж миссис Смайли (она была вдова) владел тремя домами в Ламбете и все их завещал ей. Самый красивый из трех стоял на Маус-Плейс и смотрел верным окном на переменчивую Темзу; в нем миссис Смайли и жила. Второй дом снесли, и на его месте воздвигли гараж; в третьем, маленьком и ни на что другое не годном, размещался теперь клуб «Старая дипломатия».

Выйдя из такси перед домом номер один по Маус-Плейс, Флора взглянула на чугунные балконы, украшенные горшками с белыми фарфоровыми геранями, и сердце ее радостно встрепенулось.

Снеллер, дворецкий миссис Смайли, уже распахнул дверь и теперь с мрачным одобрением смотрел на гостью. Он чрезвычайно походил на черепаху. Флора по-

* Ламбет — район на южном берегу Темзы; во времена Стеллы Гиббонс там были рабочие трущобы. Впрочем, ее шутивное пророчество не оправдалось: в начале XXI в. Мейфэр — по-прежнему шикарный район, а Ламбет — очень бедный и неблагополучный.

радовалась, что подруга не держит черепах — те бы думали, что дворецкий их передразнивает.

Миссис Смайли ждала ее в гостиной, из окон которой открывался вид на реку. Это была миниатюрная ирландка двадцати шести лет от роду, светлокожая, с большими серыми глазами и маленьким носом с горбинкой. В жизни у нее было два интереса. Первый: урезонивать и успокаивать полтора десятка благородных и состоятельных джентльменов, от неразделенной любви к ней бежавших в далекие края вроде Джонсон-Лалейк-Млумба-Млумбы или Квакванхаттуна. Миссис Смайли писала им раз в неделю, а они регулярно писали в ответ, о чем знали все ее друзья и знакомые, поскольку она всякий раз зачитывала им вслух особо длинные и нудные пассажи.

Джентльмены эти, несущие тяжелую службу в отдаленных и диких частях мира, звались «пионеры, о пионеры» по вдохновенным строкам Уолта Уитмена.

Вторым интересом миссис Смайли была ее коллекция бюстгальтеров — по слухам, самая богатая в мире. Надеялись, что по смерти хозяйки это собрание будет передано государству. Оно постоянно пополнялось, ибо миссис Смайли не оставляла надежды отыскать идеальный бюстгальтер.

Никто лучше ее не разбирался в покрое, цвете, конструкции, прилегании и прочих существенных качествах бюстгальтера. Подруги знали, что даже в минуты глубочайшего душевного смятения или телесного недуга ее можно было вернуть к жизни одной фразой: «Мэри, я сегодня видела бюстгальтер, на который тебе стоит взглянуть...»

Характер у миссис Смайли был твердый, вкусы — утонченные. С заблудшей человеческой природой, когда та покушалась на ее жизненный уклад, молодая вдова действовала просто и решительно: притворялась,

будто неприятного явления не существует, и оно через какое-то время и впрямь исчезало. «Христианская наука»* пусть и насчитывает больше приверженцев, редко бывает столь же успешна.

«*Разумеется, если позволить* людям думать, что они гадки, они *будут* гадки», — часто повторяла миссис Смайли. Вторым ее любимым изречением было: «*Челуха, Флора, ты это все навообразала*».

Впрочем, надо сказать, миссис Смайли и сама была не лишена воображения.

— Здравствуй, дорогая, — сказала она, и Флора, которая отличалась высоким ростом, нагнулась и поцеловала ее в щеку. — Ты будешь чай или коктейль?

Флора ответила, что выпьет чаю, сняла перчатки, повесила плащ на спинку стула, затем взяла чашку с чаем и коричную вафлю.

— Похороны были ужасны? — полюбопытствовала миссис Смайли. Она знала, что Флора не убивается по мистеру Посту, дородному господину, который серьезно относился к играм и презрительно — к искусствам, и миссис Пост, желавшей, чтобы все жили красиво и при этом оставались леди и джентльменами.

Флора ответила, что похороны были кошмарны, но честно добавила, что пожилые родственники замечательно провели время и остались очень довольны.

— Они звали тебя у них пожить? Родственники вечно всех зазывают к себе, — промолвила миссис Смайли.

— Нет. Не забывай, Мэри, у меня теперь всего лишь сто фунтов годового дохода, и я не умею играть в бридж.

* «Христианская наука» — псевдорелигиозное движение, основанное на идеологии врачевания через «духовное воздействие». Болезни и пороки по учению «Христианской науки» не более чем чувственная иллюзия, от которой человек может избавиться духовными усилиями.

— Бридж? Что это? — рассеянно спросила миссис Смайли. — Удивительно, как некоторые люди проводят свой досуг. Тебе очень повезло, дорогая, преодолеть ужасные годы в школе и колледже, где тебя заставляли играть в такие игры, и не пристраститься к ним самой. Как тебе это удалось?

Флора задумалась.

— Ну... поначалу я стояла неподвижно, смотрела на деревья и ни о чем не думала. Большая часть игр проходит на открытом воздухе, так что обычно рядом бывают деревья. Даже зимой. Однако другие игроки постоянно на меня налетали, так что я стала бегать вместе с ними. Я всегда бежала за мячом, потому что, Мэри, в любой игре главное — мяч. Только это никому не нравилось, потому что мне никогда не удавалось его догнать и отбить или что там полагалось с ним сделать. Тогда я стала бегать от мяча, и это тоже никого не устраивало: зрители гадали, что я делаю на краю поля и отчего при виде мяча сразу бросаюсь наутек. После очередной игры все окружили меня и сказали, что я подвожу команду, а учительница физкультуры спросила огорченно, неужели мне не нравится лакросс* (так называлась игра). Я ответила, что совсем не нравится, а она сказала: «Жаль-жаль, ведь для твоего отца это так важно. А что тебе нравится?» Я ответила, что точно не знаю, а вообще мне нравится, когда вокруг все тихо и спокойно и не надо ничего делать, а можно гулять на природе и смеяться над тем, что другим вовсе не кажется смешным, и чтобы меня не заставляли высказывать свое мнение (например, о любви и всяких *особенных* вещах). Тогда она спросила, не могу ли я чуточку постараться ради отца, а я ответила, что нет, к сожалению,

* Лакросс — командная игра, в которой игроки стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, который можно отбивать ногами и клюшкой, отчасти напоминающей сачок.